Проблемы реализации положений, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 27 УПК РФ

Романов Эдуард Артёмович
Аспирант факультета подготовки научных кадров, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

В статье исследуются теоретические и правоприменительные проблемы реализации пункта 2 части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с частью 2.2 той же статьи, введенной Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 220-ФЗ во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 года № 33-П. На основе анализа следственной и судебной практики автором выявлены системные недостатки правового регулирования: отсутствие единообразного подхода к применению нормы, ошибки в исчислении предельных сроков уголовного преследования, возможность злоупотреблений путем неоднократного приостановления и возобновления производства, нарушение прав потерпевших, а также коллизия, при которой лицо, фактически причастное к преступлению, вынуждено добиваться прекращения преследования по реабилитирующему основанию. Обосновывается вывод о том, что часть 2.2 статьи 27 УПК РФ, будучи призванной обеспечить правовую определенность, порождает новые противоречия, подменяет фактические обстоятельства процессуальной фикцией и вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства. В качестве решения предлагается исключение указанной нормы из уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: сроки давности, прекращение уголовного преследования, непричастность к преступлению, реабилитация, потерпевший, разумный срок, Конституционный Суд РФ.

Институт давности в уголовном судопроизводстве традиционно выступает правовым компромиссом между неотвратимостью ответственности и стабильностью правопорядка, исключающим бессрочную угрозу уголовного преследования. Однако практика реализации оснований прекращения уголовного дела, предусмотренных пунктом 2 части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), выявила комплекс системных проблем, требующих не только доктринального осмысления, но и законодательного вмешательства.

Принятие Федерального закона от 13 июня 2023 года № 220-ФЗ, дополнившего статью 27 УПК РФ частью 2.2, стало реакцией законодателя на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 18 июля 2022 года № 33-П . Указанным постановлением взаимосвязанные положения части второй статьи 27 УПК РФ и пункта «в» части первой статьи 78 УК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они допускают продолжение уголовного преследования после истечения срока давности без определения предельных временных границ такого преследования. Введение части 2.2 статьи 27 УПК РФ, предписывающей по истечении определенного срока (от 2 до 12 месяцев в зависимости от тяжести деяния) прекращать уголовное преследование в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого, должно было устранить правовую неопределенность . Тем не менее, правоприменительная практика столкнулась с новыми вызовами, порождающими противоречия с назначением уголовного судопроизводства, закрепленным в статье 6 УПК РФ[1, 2].

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует об отсутствии сформировавшегося единообразного подхода к применению части 2.2 статьи 27 УПК РФ. Ключевой проблемой выступает неверное исчисление сроков, по истечении которых уголовное преследование подлежит прекращению по пункту 1 части 1 статьи 27 УПК РФ. С одной стороны, толкование закона позволяет утверждать, что течение указанного в законе срока (2, 3 или 12 месяцев) начинается с момента истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, установленного статьей 78 УК РФ. С другой - исчисление данного срока не от даты истечения давности, а от момента возобновления производства по делу или от даты заявления подозреваемым (обвиняемым) возражений против прекращения дела по нереабилитирующему основанию.

Такая ошибка влечет за собой существенное превышение предельных сроков, установленных Конституционным Судом РФ как гарантия определенности правового положения лица. Вместо того чтобы выступать механизмом, ограничивающим длительность преследования, норма начинает работать как инструмент его необоснованного продления. Подобное правоприменение нивелирует саму суть постановления Конституционного Суда РФ № 33-П, который прямо указывал на необходимость прекращения дела по истечении предельного срока даже при отсутствии согласия лица. Кроме того, наблюдается несогласованность между предписаниями части 2.2 статьи 27 УПК РФ и общими нормами о сроках предварительного расследования. Законодатель, установив предельный срок существования уголовного преследования после истечения давности, не урегулировал должным образом вопрос о соотношении этого срока со сроками, предусмотренными статьей 162 УПК РФ. Это порождает ситуацию,

когда при формальном соблюдении сроков следствия (путем их неоднократного продления вышестоящим руководителем) игнорируется императивное требование части 2.2 статьи 27 УПК РФ о недопустимости преследования за пределами установленного периода.

Конструкция части 2.2 статьи 27 УПК РФ, будучи формально направленной на защиту прав лица, чье уголовное преследование формально продолжается, на практике создает условия для злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования. По смыслу закона, производство по делу продолжается «в обычном порядке», что предполагает возможность применения всех предусмотренных УПК РФ институтов, включая приостановление предварительного следствия по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 208 УПК РФ[3].

Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, закон устанавливает предельный срок существования уголовного преследования, с другой — допускает его приостановление, в период которого течение сроков расследования, а следовательно, и срока, предусмотренного частью 2.2 статьи 27 УПК РФ, фактически останавливается. Это позволяет органам следствия, манипулируя основаниями для приостановления (например, в связи с временным тяжелым заболеванием обвиняемого или неустановлением его местонахождения), искусственно продлевать период преследования на неопределенный срок. Такая практика вступает в прямое противоречие с правовой позицией Конституционного Суда РФ, который настаивал на необходимости достижения определенности правового положения лица в разумные сроки. Возможность бесконечного чередования решений о приостановлении и возобновлении следствия по делам данной категории превращает гарантию, предоставленную частью 2.2 статьи 27 УПК РФ, в фикцию. Подозреваемый или обвиняемый, отказавшийся от прекращения дела по истечении срока давности в целях доказывания своей невиновности, вновь попадает в состояние правовой неопределенности, но уже под видом действия специальной нормы[4, 5].

Дискуссионным остается вопрос о соблюдении баланса интересов в уголовном судопроизводстве при применении исследуемой нормы. Прекращение уголовного преследования по пункту 1 части 1 статьи 27 УПК РФ в связи с непричастностью лица к совершению преступления является реабилитирующим основанием. Это означает, что за лицом признается право на реабилитацию, включая возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Однако применение данной нормы в контексте истечения сроков давности порождает юридический конфликт с правами и законными интересами потерпевших. В соответствии с частью 4 статьи 24 УПК РФ, уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых. Следовательно, после прекращения преследования конкретного лица по реабилитирующему основанию уголовное дело в целом не прекращается, если не истекли сроки давности или не установлено иное основание. Преступление считается нераскрытым, а лицо, его совершившее, — неустановленным[6].

Для потерпевшего это оборачивается двойным негативным последствием. С одной стороны, он утрачивает возможность требовать возмещения вреда от конкретного лица, в отношении которого имелись доказательства причастности (пусть даже не полученные в установленный срок), поскольку это лицо официально признано непричастным. С другой стороны, предварительное расследование по делу формально продолжается, но его перспективы в условиях истечения давности становятся призрачными. Особенно остро данная проблема стоит по так называемым «преступлениям прошлых лет», где раскрытие преступления напрямую связано с личностью привлекаемого лица, а альтернативные версии следствием не отрабатывались. В результате потерпевший, чьи права нарушены преступлением, фактически лишается доступа к правосудию и компенсации причиненного вреда[7, 8].

Наиболее глубоким противоречием анализируемого правового института выступает ситуация, при которой следователь, убежденный в причастности лица к совершению преступления (располагая соответствующими доказательствами), вынужден прекращать уголовное преследование в связи с непричастностью. Согласно пункту 20 статьи 5 УПК РФ, непричастность означает либо неустановленную причастность, либо установленную непричастность. Однако в контексте применения части 2.2 статьи 27 УПК РФ речь идет о принципиально иной ситуации: причастность лица установлена, доказательства собраны, но они не были направлены в суд в установленный законом предельный срок. Данная коллизия порождает ситуацию процессуального абсурда: орган предварительного расследования выносит процессуальный акт, содержание которого (указание на непричастность) прямо противоречит внутреннему убеждению следователя и материалам дела. Это не только дискредитирует саму идею предварительного расследования как деятельности по установлению обстоятельств преступления, но и создает опасный прецедент подмены фактических обстоятельств процессуальной фикцией[9].

Лицо, фактически совершившее преступление, получает возможность добиться прекращения уголовного преследования по реабилитирующему основанию, что влечет за собой возникновение права на реабилитацию, включая право на возмещение вреда от государства. Такое положение дел противоречит не только смыслу и назначению уголовно-процессуального закона, но и принципу справедливости, поскольку ставит жертву преступления и государство в положение, при котором они вынуждены компенсировать последствия процессуальной деятельности лицу, виновному в совершении преступления, но не привлеченному к ответственности в силу формальных обстоятельств.

Не менее серьезной проблемой, дискредитирующей саму идею части 2.2 статьи 27 УПК РФ, является неверное исчисление сроков, необходимых для принятия решения о прекращении уголовного преследования. Анализ правоприменительной практики показывает, что следователи и дознаватели зачастую учитывают лишь сам факт истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных статьей 78 УК РФ, полностью игнорируя требование о непрерывности предварительного расследования, проводимого после наступления этого момента. Норма части 2.2 статьи 27 УПК РФ устанавливает предельный период (от 2 до 12 месяцев), в течение которого допускается продолжение производства по делу в обычном порядке. Однако на практике этот срок нередко исчисляется фрагментарно: после каждого возобновления производства отсчет начинается заново, либо в него не включаются периоды приостановления следствия. Подобная практика приводит к необоснованному затягиванию уголовного преследования и возрождает ту самую правовую неопределенность, которую законодатель стремился устранить во исполнение предписаний Конституционного Суда РФ. Лицо, в отношении которого истекли сроки давности, оказывается в состоянии перманентного ожидания итогового решения, что противоречит принципу правовой определенности и стабильности правового статуса личности[10].

Нельзя обойти вниманием и проблему процессуального давления на подследственных, которое стало тре-

вожным трендом в практике применения рассматриваемой нормы. Поскольку часть 2.2 статьи 27 УПК РФ предоставляет лицу возможность дождаться прекращения преследования по реабилитирующему основанию, следователи, заинтересованные в скорейшем завершении производства и снижении статистики нераскрытых преступлений, нередко прибегают к тактике принуждения. Подозреваемому или обвиняемому фактически дают понять, что отказ от согласия на прекращение дела по нереабилитирующему основанию (за истечением сроков давности) повлечет за собой не прекращение преследования по истечении срока, предусмотренного частью 2.2, а сохранение на неопределенный срок мер процессуального принуждения. Речь идет об ограничениях свободы (подписка о невыезде, запрет определенных действий), сохранении арестов на имущество и банковские счета, а также о фактической невозможности для лица вести полноценную экономическую деятельность, включая получение кредитов и занятие определенных должностей. Такое давление подрывает саму суть диспозитивности в уголовном процессе, превращая право лица на защиту от уголовного преследования по нереабилитирующему основанию в фикцию, уступающую место административному и ведомственному интересу следствия[11, 12].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что механизм, заложенный в части 2.2 статьи 27 УПК РФ, не достиг цели, поставленной Конституционным Судом РФ. Вместо обеспечения определенности правового положения лица, в отношении которого истекли сроки давности, законодатель создал конструкцию, порождающую новые, еще более сложные противоречия. Применение данной нормы приводит к подмене оснований прекращения уголовного преследования, девальвации института реабилитации, нарушению прав потерпевших и формированию практики, при которой уголовно-процессуальный закон начинает работать не на установление истины, а на формальное завершение процесса любой ценой. Возможность манипуляции сроками через институт приостановления, неверное исчисление временных пределов и вынужденное признание виновных лиц непричастными свидетельствуют о глубокой концептуальной ошибке законодателя. Выход из сложившейся ситуации видится в исключении части 2.2 из статьи 27 УПК РФ как нормы, грубо противоречащей назначению уголовного судопроизводства. В качестве альтернативного решения проблемы неопределенности правового положения лица предлагается вернуться к модели, при которой истечение сроков давности является безусловным основанием для прекращения уголовного дела, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (части 4 и 5 статьи 78 УК РФ), но с обязательным разъяснением лицу правовых последствий такого решения и предоставлением возможности обжалования в суд для установления невиновности. Такой подход позволил бы соблюсти баланс между интересами личности, потерпевшего и государства, не принося в жертву процессуальной целесообразности фундаментальные принципы уголовного судопроизводства.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.2023 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4412.

4. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова : Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П // Российская газета. – 2022. – 5 авг.

5. Елена Борисовна Кургузкина, Наталья Анатольевна Власова Спорные вопросы прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-prekrascheniya-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-istecheniem-sroka-davnosti-ugolovnogo-presledovaniya (дата обращения: 09.03.2026).

6. Кудряшов, Р. В. Основания отказа государственного обвинителя от обвинения и их применение на практике / Р. В. Кудряшов. — Текст : непосредственный // Государство и право: теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). — Т. 0. — Чита : Издательство Молодой ученый, 2014. — С. 67-69. — URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/115/5957.

7. По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина : Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П // Российская газета. – 2025.

8. По делу о проверке конституционности пункта "д" части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А. Андриановой : Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 № 25-П // Российская газета. – 2025.

9. Фильченко А.П. Непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления в механизме прекращения отношения уголовной ответственности // Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 27–30.

10. Камчатов К.В., Аристархов А.Л. О правилах применения ч. 2.2 ст. 27 УПК в условиях необходимости достижения назначения уголовного судопроизводства // Законность. – 2024. – № 6. – С. 51–55.

11. Дулкарнаев М.С. Прекращение уголовного преследования за пределами срока давности: вопросы правоприменения // Уголовный процесс. – 2024. – № 8 (236). – С. 42–49.

12. Согоян В.Л. Проблемы предъявления гражданского иска к лицу, в отношении которого уголовное преследование прекращено в связи с непричастностью к совершению преступления // Академическая публицистика. – 2025. – № 1-1. – С. 283–288.

Problems of implementation of the provisions stipulated in paragraph 2, part 2, article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Romanov E.A.
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article examines the theoretical and law enforcement problems of the implementation of paragraph 2 of Part 2 of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in conjunction with Part 2.2 of the same article, introduced by Federal Law No. 220-FZ of June 13, 2023 pursuant to the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2022 No. 33-P. Based on the analysis of investigative and judicial practice, the author identified systemic shortcomings in legal regulation: the lack of a uniform approach to the application of the norm, errors in calculating the deadlines for criminal prosecution, the possibility of abuse by repeatedly suspending and resuming proceedings, violation of the rights of victims, as well as a conflict in which a person actually involved in a crime is forced to seek termination of prosecution for a rehabilitating foundation. The conclusion is substantiated that Part 2.2 of Article 27 of the Code of Criminal Procedure, being designed to provide legal certainty, generates new contradictions, replaces factual circumstances with procedural fiction and contradicts the purpose of criminal proceedings. As a solution, it is proposed to exclude this provision from the criminal procedure law.

Keywords: statute of limitations, termination of criminal prosecution, non-involvement in crime, rehabilitation, victim, reasonable time, Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 17.11.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on ...) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.
3. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.2023 No. 220-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 25. – Art. 4412.
4. In the case concerning the verification of the constitutionality of Part Two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Clause "c" of Part One of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Rudnikov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022, No. 33-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2022. – August 5.
5. Elena Borisovna Kurguzkina, Natalya Anatolyevna Vlasova, Controversial Issues of Termination of Criminal Cases Due to the Expiration of the Statute of Limitations for Criminal Prosecution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-prekrascheniya-ugolovnogo-dela-v-svyazi-s-istecheniem-sroka-davnosti-ugolovnogo-presledovaniya (date of access: 09.03.2026).
6. Kudryashov, R. V. Grounds for the public prosecutor's withdrawal of charges and their application in practice / R. V. Kudryashov. - Text: direct // State and Law: Theory and Practice: Proc. III Int. Scientific Conf. (Chita, July 2014). - Vol. 0. - Chita: Young Scientist Publishing House, 2014. - Pp. 67-69. - URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/115/5957.
7. In the case concerning the verification of the constitutionality of Part One of Article 151 and Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.G. Bayguskarova and M.G. Mukhametchin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2025, No. 24-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2025.
8. In the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph "d" of Part One of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen O.A. Andriyanova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 30, 2025, No. 25-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2025.
9. Filchenko A.P. Non-involvement of a suspect or accused in the commission of a crime in the mechanism for terminating criminal liability // Rossiyskaya Investigator. – 2012. – No. 14. – P. 27–30.
10. Kamchatov K.V., Aristarkhov A.L. On the Rules for Applying Part 2.2 of Article 27 of the Criminal Procedure Code in the Context of the Need to Achieve the Purpose of Criminal Proceedings // Legality. – 2024. – No. 6. – P. 51–55.
11. Dulkarnaev M.S. Termination of Criminal Prosecution Outside the Statute of Limitations: Law Enforcement Issues // Criminal Procedure. – 2024. – No. 8 (236). – P. 42–49.
12. Sogoyan V.L. Problems of Filing a Civil Claim against a Person in Relation to Whom Criminal Prosecution Has Been Terminated Due to Non-Involvement in the Commission of a Crime // Academic Journalism. – 2025. – No. 1-1. – P. 283–288.